

Смена

Двухнедельный военно-физкультурный журнал ЦК и МК ВЛКСМ
для советской молодежи



NIO

АВГУСТ-1941г

XVIII

ГОД ИЗДАНИЯ

ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ ПОБЕДЫ НАД ВРАГОМ?



Медные подсвечники, чайники, тамбасы ступки с пестиками, самовар, керосинка, кастрюли — она послужила на союз вилки человеку. Сейчас она составляет еще одну ступку, самую ажурную: ступит деталими опилок, шашки и станков. Все, что вы видите на снимке, и еще многое вы можете эти два мальчика, Вова Семенов и Сережа Каргошич, со своими товарищами. Они собрали уже 104 килограмма меди и каждый день приносит еще и еще. Адрес этих ребят: Москва, Большая Серпуховская улица, дом № 48.



Молодежь, деятельно готовящаяся к сражениям боям. Вспомни, на крепостных и в укрепленных, усиленным теплом идут военные занятия: юнцы проходят строевую подготовку, учатся владеть винтовкой, пулеметом, гранатой. На снимке изображено военное обучение рабочих московской конторы «Маслоделов». Руководитель занятия слушает военного факультета Института физической культуры Е. Ф. Ступко.



На эту крышу уже падали бомбы. Как видите, она целая. На одна бомба не сделала того, для чего была предназначена: на одна не вызвала пожара. Эти три молодых колхозника потрудились все взвешивали, которые воздушный разбойник сбросил на их колхоз.

Любовь и ненависть

В детстве я была одной из тысячи, а может быть, десятков тысяч девочек, которые мечтали стать летчицами. Летчицом я, однако, не стала. Когда я в первый раз подала заявление, мне сказали: «Маленькая еще». Во второй раз нашли, что рост не подходит: ноги до pedals не дотянутся. В третий раз отсылали новую причину, потому еще какую-то. Одним словом, летчица из меня не вышло, как я этого ни хотела.

И пошла я работать на завод. Мне все хотелось попасть на авиационный завод, чтобы быть поближе к самолетам: если не летать на них, то по крайней мере ходить стропить. Но и этого получилось не сразу. Раньше я работала на Шарикоподшипниковом заводе токарем-автоматчиком, затем на Метрострое электророзводчиком, а только уж потом попала на тот завод, куда стремилась.

Я не люблю лезть работающим людям. Но я просто не выношу, когда в работе обгоняют меня. Не усуюсь, пока не достигну. На Шарикоподшипнике я вытачивала кольца для тракторов. Работа сложная, опыта у меня не было, и много в хвост обгоняли меня. Так я даже обещала не уходить. Злость меня так брала, что даже дома не могла забыть о своих подчиненных: все думала, как бы приладиться поучить, чтобы работа шла быстрее. А когда догнала, успокоилась, и сразу, говорят, характер лучше стал. Меня в хвост ругали за мой характер. Мастер говорил: «Повин, Климова, радуешься надо, если тебя обгоняют. Веди это для общей пользы».

Я прекрасно это понимала. Но ведь то, что я хочу работать лучше других, это тоже для общей пользы.

На «Шарике» мне было хорошо, а все-таки хотелось к самолетам. И вот меня приняли работать на авиазавод.

Самолет приходит в наш цех почти готовым к вылету. Он стоит посредине цеха, громадный, сильный, все в нем удивительно умно и строго. Я забралась внутрь и принахаживаю за работу. Мое дело — электророзводка.

Когда я пришла на завод и начала осваивать новое для меня дело, со мной рядом работал один парень. Он меня обогнал и считал, что это в порядке вещей: мол, мужская профессия! Я глядела все время, как он работает, и знала, главное — все же качество; какой толк будет в быстроте, если где-нибудь допустить ошибку? Я тридцать раз проверяла свою работу, и когда он, похваляясь, кончал дневную норму, я еще копалась, еле дотянула до половины. Было обидно, что моя работа контролируется тщательней, чем его, но для этого были основания: нет-нет да найдут какой-нибудь дефект. Мастер не ругал меня, даже хвалил, но что поделаешь, резала меня как ножом. «Ну вот, Климова», — говорил он, — сегодня ты только в одном месте заступила. Молодец».

Я завидовала мастеру, на парня, который похваляется после окончания работы, на себя, на весь мир.

У меня дело пошло лучше. Я стала понемногу догонять его, и в один прекрасный день (он был для меня действительно прекрасным) и догнала. Он похвастался и сказал: «Быстрее! А через несколько дней и его обогнала» — тут он даже свистнул переставил. У меня как-то нездорово пошло, я стала работать все быстрее и быстрее и однажды перекрыла норму в два раза. А потом это стало обычным для меня, я давала две нормы в день постоянно, иначе говоря, стала двухсотницей.

Совсем недавно слово двухсотница было новым словом. Вначале даже на заводе иногда приходилось объяснять, что двухсотница — это человек, который выполняет вместо одной нормы две.

Все это было до войны.

Прошло немного времени, и это понятие — двухсотница — для некоторых уже устарело. У нас на авиазаводе есть уже трехсотники и четырехсотники. Наш чел всегда был передовым, наши люди всегда хорошо работали, но я и никогда не забывала, что когда началась война я гордилась тем, что обогнала своего напарника, теперь я уже давно обогнала сама себя. Я уже выполняю задания не в два, а в четыре раза быстрее, и все мне кажется, что это еще не предел, что я могу работать лучше других. И теперь, наверное, буду работать и лучше и быстрее. А в чем дело? Дешево ли у меня, та же голова на плечах, не выросла я за это время, ли сильней не стала. Так почему же я и все другие можем терпеть сутками не спать и после бессонной ночи работать еще лучше, чем раньше — после выходного дня? Почему мастер гонит нас теперь ни цеха, уговаривает ложиться постыть в я, наконец, махнув рукой, сам идет работать? Почему во время воздушного налета, когда людей просит спуститься в убежище, все они исчезают куда-то на четверть часа, а потом появляются снова у своих станков и работают, забыв обо всем на свете, и только после слеза отойти успокоившись, что был воздушный налет? Почему девушка, для которой раньше было важнее всего обогнать своего соседа-рабочего, теперь и не вспоминает, на каком она месте в цеху, а думает только о том, чтобы сделать быстрее и лучше?

Мне кажется, все это происходит от большой любви и от большой ненависти.

От любви к своей дорогой стране и от ненависти к злобному Гитлеру и его шайке бандастов.

Я готова сделать все, что только могу, чтобы помочь фронту, чтобы уничтожить до конца своего злобного и жестокого врага, каждый в нашем цеху, на своем заводе, в нашей стране.

Стахановка-комсомолка

А. КЛИМОВА

Нский завод.

Их имена бессмертны

«Большие ли сильнее смерти. Герои не умирают, а живут в народе вечно. Смерть на посту при защите Родины — не гибель, а бессмертье» — эти прекрасные слова вошли в плоть и кровь воина Страны Советов. Пресеждая к смерти, бесстрашие, вострая неувязка к врагу, умение бегом сражаться и наносить урон противнику добрыми средствами — вот что отличает бойца Красной Армии.

Героим стал во всеобщество. Удивительны будни великой освободительной войны, которую мы вели.

Нет предков отваги советского воина, ибо он дерется за свое отечество, за честь и счастье своего народа и народов, поработенных фашизмом. В освободительной войне с немецкими дикими наци были заложены сила и сама жизнь. Но жизнь свою они отдадут неженно.

Сражаясь до последнего мгновения, пока бьется сердце, пока в жилах сохранилась хоть капля крови! Исконки патроны в винтовке, — есть нагана. Нет больше зарядов, бросай последнюю гранату, коли штыком, бей являдом, души голыми руками, кусай!

И когда нет иного выхода, кроме смерти, своей смертью своей уничтожить, сокруши врага!

Славная смерть летчика Гастелло, высокая и яркая вспышка жизни, каждое мгновение которой было ослепительно службой родине, — эта смерть, ставшая подвигом человека над природой, осталась одиозной. Подвиг Николая Гастелло замечательна и тем, что он глаголю народом, природа этого подвига обусловлена природой русского народа, его самоотверженностью, отвагой и богатырской силой.

Подвиг Гастелло повторил. У Гастелло есть братья по духу. Их много. Мы знаем их имена.

— Таинист-сержант Кривошеин. Его танк был выведен из строя. Снайды кончились. Боевые дружины убиты. Фашисты, облизавшие тактику, пробуют открыть домиком:

— Русс, сдавайся!

В барбаре нагана осталась одна пуля. Пустить ее себе в висок? Да, но выход — нет. Погибнуть? Да, погибнуть. Но смертью свою привести смерть врагам. И вот, прибавив ствол танка к виску, Кривошеин закинул штур, ведущий к боеспособности. Он спускает курок.

Танк взлетел на воздух вместе с мертвым героем и десятком врагов.

Прекрасная смерть! Высоко поднимается танк, смерть над жизнью, ослепляет ее и летает человека, падает о нем бессмертны.

— Летчик Леонид Михайлов... Стальной рукой пошел он своей смертельно раненый самолет в зону вражеских танков. Михайлов мог выброститься на парашюте, мог спастись, но яростная неувязка, вложившая в его сердце, и высокая преданность долгу оказались во много раз сильнее стремления сохранить свою жизнь. Летчик Михайлов презрел гибель, потому что она, эта гибель, была необходима. Только смертью своей мог Михайлов помешать фашистским танкам переправиться через реку — и он не побоялся смерти.

Нужно понять особенность такого героя, надо глубоко проникнуть в его сердце, во имя жизни, во имя бессмертия, во имя родины. Такая смерть — финал напряженной и страстной борьбы за жизнь. Это смерть, которую не боится, но на которую соглашаются лишь тогда, когда исчерпаны все возможности, доступные храброму и опытому бойцу. Так уметь может лишь тот, кто не знает поражений.

И случается, что смельчак, словно в награду за храбрость свою, получает жизнь.

Вот история истинного острого лейтенанта Белоозерского. Получив задание определить расположение сил противника, он отправился в разведку с пятью бойцами. Внезапно на них напали враги, но много времени не прошло, как их численно. Шестерка яростно сопротивлялась. Обстоятельства сложились так, что лейтенант Белоозерский мог спастись и уйти. Но один из разведчиков — Панарин — был ранен, и Белоозерский не захотел оставлять своего бойца. Он разсыпал раненого и попытался его унести. Медленно пробирался он со своей тяжелой ношей, когда его окружили враги. Расстреляв все патроны, лейтенант положил раненого Панарина в сторону и взорвал последнюю гранату, не желая сдаваться в плен.

Взрывом убито пять фашистских солдат и оглушено офицер. Но Белоозерский остался жив. Очнувшись, он увидел, что один из вражеских солдат держит в руках его снаряжение, другой снимает оружие — с Панарина. Лейтенант, раскоропостро не подвизался, фашисты считали мертвым. Но он был жив.

Мозг его работал с лихорадочной напряженностью. Что предпринять? В том, что как-то возможность спастись существует у него, у этого человека, чудом оставшегося в живых, сейчас не было ни малейшего сомнения. Он обрел себя на смерть, когда не было иного выхода, но теперь, когда он вновь обнаружил на него внимание, мочи и должно было пытаться бежать.

И точно, в эту минуту раздался стрекот пулеметной очереди (как выяснилось потом, стреляли бойца Белоозерского, не оставшие своего лейтенанта в беде). Белоозерский вскочил, резким прыжком бросился в густую пшеницу. Произошло несколько шагов. Потом пробежал, пригнувшись...

Белоозерский вернувшись в часть, отлично выложил задание.

Не растерялся в минуту внезапно налетевшей опасности, стремительными, почдае крайне простым маневром ослепил врага — в этом иредко залог спасения. Вот очень обыденный случай. Лейтенант Кочан, шедший в расположение своего взвода, наткнулся на вражескую заставу.

— Сдавайся! — крикнули бобфонины, вооруженные автоматами.

У лейтенанта не оказалось при себе гранаты, да и себя после полученного удара ощущал выстрелом. Стремительным прыжком бросился он в сторону, быстро пополза и спрятался за камень. Это было так неожиданно, что враги начали стрелять, когда он был уже за камнем. В это время наши бойцы отбили огонь. Лейтенант Кочан благополучно пришел в свое отделение.

Не растерялся и боец Фесенко, когда, прыгнув себе после полученного удара, очутился на дне вражеской лодки. Его пытались перевести на другой берег. Сильным ударом опрокинул «военно лодку и, пока враги барахтались в воде, нырнул и добрался к своему берегу.

Находчивость и смелость спасли сержанта Коломийца, оказавшегося в окружении полуоткрытых фашистов. Единственно оставшуюся гранату сержант сдвинул в рукава. Хотел для этого прыгнуть вперед, — но тут же он вынул из этого позорного слова. Двадцать фашистов подбежали к нему. Он бросил гранату. Звезд заволокалась, Коломиец не услышал стрельбы.

Как и лейтенант Белоозерский, он остался жив. Он пришел в себя от жутчей боли: офицер хлестал его саблел плавания. Коломиец

пропел: «Наклонитесь ко мне, я вам скажу, где расположана наша часть».

Саблей анализировал Ударю, а жиде Коломийца сбив офицера с ног и вырвал у него револьвер. Первой пулей сержант убил фашиста.

Заметка о полтине Коломийца, помещенная в одной из фронтовых газет, кончается словами: «А в эту минуту застрелил наш пулемет. Пришел на помощь товарищи».

Помощь товарищей, товарищеская выручка часто спасают нашего бойца. Защищая свою жизнь, отбиваясь до последней возможности, наш воин вправе рассчитывать на друзей, которые придут на помощь ему, так же как и он придет бы в случае необходимости к ним на помощь.

Дисциплина нашей армии основана на полном доверии, на любви и привязанности к своему командиру. Охранять в бою командира, не пада с своей жизни, — священный долг воина Страны Советов. Пресекая и высоко человеческая смерть летчика-наблюдателя Рубова, погибшего вместе со своим горючим самолетом.

Несмотря на полученное разрешение выпрыгнуть с парашютом, Рубов остался в горющем самолете, чтобы спасти командира. За командиром околели фашистские стелетники. Мощной пулеметной очередью отогнал Рубов врага и, сохранив жизнь своему командиру, сам погиб в будущем пленении. Внесите память герою!

Много их можно назвать — тех, кто пожертвовал своим дорогим, что есть у человека — жизнью ради еще более драгоценного — родины.

Чувства и мысли этих людей выразил в своей короткой записке сержант-комсомолец Довженок, героически погибший на одном из участков фронта северной направленности. В записке, оставленной в комсомольском билете Довженко, стояло: «За счастье нашего народа, за родину, за партию Ленина — Сталина не пожалею ни крови, ни остатков мозолици, ни радости, счастливой жизни».

Кровь своей и штуретной молодости не пожалели двадцатипятилетний летчик Дмитрий Тарасов, двадцатилетний штурман Еренин и стрелки-радисты Капустин и Ковальский, находившиеся в горющем самолете.

В числе пилотов советских бомбардировщиков вылетел их самолет — уничтожить танковые скопления и немцы воята. В пути их обстреливал эмесерингиты. Летчики соседних самолетов видели, что бомбардировщик, на котором летели Тарасов и Еренин, облит пламенем. Вражеский снаряд пробил правое крыло самолета. Летчик Тарасов и штурман Еренин тоже увидели пожар. И когда все на строя. Погибнуть, но выполнить задание, скалереки, но уничтожить врага! Горющий, скопления самолет шел за вздутием, не покидал строя штурман.

Пять самолетов бомбардировщиков летели над фашистскими танками и пехотой, уничтожая их своим смертоносным грузом. Горющий самолет Тарасова не отставал от других: погибая, он подкачал козла. И когда все на пшеница была охвачена огнем, четверо: летчик-комсомолец Тарасов, штурман Еренин, стрелки-радисты Капустин и Ковальский, — не попытались воспользоваться парашютами. Они нырнули вглубь смертельного удара, бросившись на него грузом своего горющего самолета.

Так погибли четверо героев, четверо молодых людей, жизни своей не пощадивших ради счастья родины.

Они погибли недаром. Народ, как сынами умеет так жить и так умирать, непобедим!



Герой Советского Союза
Степан Иванович Зоровтсов.



Герой Советского Союза
Михаил Петрович Жуков.



Герой Советского Союза
Петр Тимофеевич Харитонов.

ТРИ СОКОЛА

М. БОРИСОВ.

Славный список героев великой отечественной войны открыли три летчика-комсомольца: Жуков, Харитонов, Зоровтсов. Указом Президиума Верховного Совета СССР им присвоено звание Героев Советского Союза.

Три новых сокола вошли в отважную семью бесстрашных. Какой же великий подвиг совершили эти верные сыны комсомола, что заслужили высокое звание Героев в стране героев?

Когда были расстреляны все патроны, Зоровтсов, Харитонов, Жуков арзались во вражеские машины телами своих самолетов. Сбитые немецкие стартанки камнем упали вниз.

Перед волей и бесстрашием наших соколов отступила и сама смерть. Все они благополучно приземлились на спящих аэродромах.

ГЕРОЙ-КОМСОМОЛЕЦ

Нет другой профессии, которая так влекла бы к себе сердца и помислы советской молодежи, как профессия летчика. Не удивительно, что в числе сотни тысяч советских юношей, мечтавших об авиации, был и комсомолец Михаил Жуков.

Но в нашей стране мечта — это сигнал к действию. И вот молодой слесарь-электрик Ярославского резино-асбестового комбината Михаил Жуков в приемной комиссии детской школы.

— Значит у вас маловато, — сказал ему кто-то из членов комиссии.

— Ничего. Я их добуду, — коротко ответил Жуков.

И такая твердая уверенность была в его словах, что члены комиссии перегляну-

лись и молча вписали его фамилию в списки принятых. Этому юности можно было верить. О настоящей учебе Жукова в детской школе рассказывает капитан Колпаков.

На приветствие капитана, обращенное к прибывшим курсантам, ответил Жуков: — Обязательно, товарищ командир, что за свою и за нашу честь постой!

Тогда Колпаков не придал этой фразе большого значения. Но потом, присмотревшись к Жукову, он понял, что этот паренек слов на ветер не бросает.

На последних испытаниях Жуков попросил капитана посадить в его самолет председателя государственной испытательной комиссии.

— Да некоторые боятся с ним летать. Очень строг. А, по-моему, ведь это именно и нужно.

...Окончив испытания. В последний раз собралась в кулуарке вечерело. В темноте слышались огненные шипорос. Посылалась голос одного по курсантов:

— Интересно, куда кто из нас попадет? — Не все ли равно, где работать, — сказал Жуков. — Испытот ведь только туда, где мы учусь.

И добавил, обращаясь к капитану: — Хорошо, если бы вы когда-нибудь услышали наши слова.

23 июня состоялся первый боевой вылет летчика-испытателя младшего лейтенанта Жукова. В этот день он патрулировал над важным оборонным объектом.

Жуков сорво ягладывался в синеву неба. Вспоминался от: Да, конечно. Но это было волнение бойца, жаждущего схватиться с врагом.

В этот день Жуков не встретил противника. Провил еще сутки, и Жуков, наконец, заметил в воздухе фашистский бомбардировщик «Юнкерс-88», прысая за тучами, как волн, подбирался к городу П. Жуков дал полный

газ и на предельной скорости устремился к истребителю.

— Оставалось около тысячи метров, — рассказывает летчик, — когда я увидел, что фашистский самолет делает разворот и начинает ударить. Меня даже досада кольнула. «Испугался, так!» — крикнул я ему вдогонку и посылал для крепости нару пулеметных оередей.

Опустившись на свой аэродром, Жуков вышел из кабины явно разочарованный. Бой опять не состоялся. Вряд успел ударить. Увидев огорчение молодого летчика, командир части попробовал его утешить:

— Ничего, не огорчайтесь; сегодня вы его отогнали, а завтра догоните и собьете.

На другой день Жуков покрепче нес воздушную вахту над своим районом. Небо было чисто. Ничего не говорило о близости врага. Но в тот самый момент, когда Жуков пошел на посадку, чтобы заправиться топливом, на горизонте внезапно появилась большая группа фашистских бомбардировщиков.

Вырвены моторы, и группа наших истребителей поднялась в воздух. Среди них был и самолет Михаила Жукова.

— Фашисты, как нас заметили, сразу заутек, — рассказывает он. — Мы за ними. Они в облаке. «Все равно не улетят!» Было их больше, чем нас, а мы все же ринулись на них. Визгу, один бомбардировщик вынырнул из облака. «Ну, теперь дерюкись!» — крикнул я и стал его догонять. Он в пике, а затем пошел бронею пологом. Думал меня этим обмануть. А я уже знаю этот фокус. Только он стал набирать высоту, я тут как тут.

Приближаясь почти вплотную к бомбардировщику, Жуков открыл огонь. Фашист попробовал было огрануться короткой очередью, а потом начал метаться по вебу, спасаясь от выисывающего на него краснозвонного истребителя. От одной из оередей жуковского пулемета бомбардировщик задымился.

Юркий истребитель неотступно преследовал стертанника. Вперед показало большое оее-

ро. Заем Жуков начал фашисты и всемогущим стал пилотаж и десек. Бомбардировщик выстроил и пошел вниз.

Немцу так и не удалось выйти из пике. Со всего рамаку тяжелая фашистская машина вращалась в воздухе, подним огромной стобой вниз и брызг.

Несколько разошедшихся больших кругов на воде указывали место, где только что побито фашистский самолет.

СОВЕТСКИЙ «АСС»

Рассказ Петра Харитонов о своем подвиге в воздухе. Вот что он говорит:

28 июля я был в десантной машине на аэродроме. Неподалеку от меня находилась мой боевой товарищ, младший лейтенант Литвинов. Он тоже не слез сдуло дозора.

Вдруг на горизонте показался силуэт вражеского самолета. Это был пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-88». Сигнал тревоги— машина Литвинова вымала вниз.

Литвинов пошел к протиннику. Насел на хвост бомбардировщика, летчик дал по нему две длинных пулеметных очереди. «Юнкерс» замедлил, но продолжал лететь. В этот момент я получил приказ подняться в воздух. Вдруг несколько самолетов «Юнкерс» появились в воздухе. Началась погоня за «Юнкерсом». Несмотря на то что мой самолет очень быстроходен, мне казалось, что я лечу страшно медленно.

Враг удирал на максимальной скорости, но я его все же нагнал.

Бить бомбардировщика снизу, в самое уязвимое место, я не мог, так как он приближался к земле. Пинцисса зайти сверху. Я развернулся и дал несколько очередей. Противник отстреливался. Как потом выяснилось, его люди пробовали у моей машины высвешивать газы, мусорный бак, стабилизатор и зорю. Но несмотря на эти порождения машина зорю слушалась меня.

Сбивая еще несколько самолетов, я вдруг обрел идею, что и не успевал реализовать. «Неужели придется опустить свой бомбардировщик?» — с горечью думал я. До «Юнкерса» оставалось не более 30—50 метров. С каждой секундой расстояние сокращалось. Меня осенила мысль: «Вперед, вперед, вперед!»
Дальше все произошло с быстротой молнии. Привалил: концы моего самолета вращались вместе хвостом и корпусом истребителя. Я направил свой самолет и протиннику к хвосту «Юнкерса». Верхний конец истребителя срубил сначала руль поворота, а затем— руль глубины. Над моей головой замелькали куски металла, обрывки проволочек...

Бомбардировщик прокрутил на осю.

Уничтожив врага, я отвалил свою машину в сторону и благополучно приземлился в районе расположения своих войск.

Это был первый бой Петра Харитонова с фашистскими летчиками, и в этом бою победителем вышел молодой советский «асс».

Прошло несколько времени, и Харитонов снова встретил на территории своего аэродрома немецких самолетов пытался произвести вылет на Ленинград. Младший лейтенант Харитонов, в числе других летчиков-истребителей участвовал в воздушных боях с вероучу Ленинна, вылетел себе жертвой новейшей немецкой самолет «Хейнкель-113». Как самолет оборнулся советский летчик на воздушного истребителя и протинник его. Вражеский самолет горел. Трое немецких летчиков, выброшенных на парашютах, попали в плен.

Харитонов и на этот раз оказался непреклонным.

Позднее количество воздушных боев кончилось в нашу пользу. Это закономерность. В чем же сила наших летчиков?

Мы не знаем, как звали немецких воздушных захватчиков. Впервые Харитонов сбил вместе с им машину, но мы располагаем обширным материалом, позволяющим представить довольно точный обзор фашистского летчика, его морального облика.

Попавший к нам в плен Геринг, Вольф, летчик, совершивший 40 боевых вылетов над Францией, Великобританией, Варшавой, являлся на допросе:

— Принимай война с Россией не закончена. Я мой лучший правительство не понимаю, но я вообще не должен понимать, я должен выполнять приказ.

Гитлеровский молоток Ханс Амшельфогт

— Всегда я не котел.

— Затем же вы пошли добровольцем в армию?

— Я думаю, что мой леткой пробой по стране. Нам говорили, что у нас нет танков и самолетов.

Такое же, видимо, представление о войне в ее главных имели и летчики, сбитые Петром Харитоновым.

Комсомолец Петр Харитонов знает, во имя чего он сражается, знает силу врага. В бою с фашистскими летчиками моральное превосходство Харитонова очевиднее всего. У немецкого летчика обер-лейтенанта Краузе найдены дневник. Вот что писал в нем негодич:

«...Вчера я ставил интернациональный добровольцем. Я общался французском, польском, голландском... «Как быть?» — замислился Краузе в Варшаве... Мне всегда хранить коллекцию. Вчера я приобрел массивный золотой кубок. Как все это отправить домой? Лутке?»

Фашисты жестоки, бесчеловечны, коварны. Но жестокость — не сила, изобретот, это качество присуще трусам. Они трусливы как шакалы. Их всегда горюет летчик. Они не выносят прямого, открытого боя. Может ли трус повернуть машину и лицом к лицу вступить в единоборство с протинником? Нет, не может. Для этого у него слишком слабы нервы, слишком низок моральный уровень, реветь на такой шаг ему не позволяет его подлая натура. В воздушном поединке побеждает тот, кто лучше, чище, благороднее.

СЫН ВЕЛИКОГО НАРОДА

Увертю в достижении цели, смелую, беззаветную храбрость—все эти характерные черты русского народа унаследовал молодой советский летчик, сын дикого казака Степан Зорюев.

Увертю и жадно ищет он свое место в жизни. Судовым мотористом астраханского речного флота измучил он громадные просторы Нижней Волги и Каспия. Это его не удовлетворяло, хотелось, как и в Ленинградские курсы водолазов, он шагает по дулы.

«Позовел ли он своей нолой специальностью? Спорю нет, здесь nämlich подлинная борьба с природой, борьба трудная и опасная. И все же в этой борьбе Зорюеву чего-то не хватало. Ему не хватало стремительного движения, скорости, настоящей скорости, самой быстрой, какую только можно создать разум в руки человека. Так родилось желание авиации.

И когда, кончив школу при местном аэродроме, илет Зорюев получил право на самостоятельный полет и сел за штурвал самолета, пришло к нему, наконец, ощущение, что он нашел свое место.

Это было то, что он искал!
Позднее осенью 1938 года. Призывник Зорюев попал в авиацию. Два года спустя летчик-истребитель Степан Зорюев писал себе из части:

«...Вчера я получил «стребко». Я его люблю так же, как тебя и Галочку».

Война застала авиационное соединение, куда входил зveno Зорюева, на границе. С немецкими истребителями Зорюев же не о сбитых, промывавших в 4 часа утра 29 июня.

«Ну что ж, на удар мы ответим ударом, на взрыв— взрывом».

В следующем эпизоде Зорюев пишет о своем первом «стребко» по тылам наступающей немецкой армии:

«...на аэродром, где было расположено соединение Зорюева, вылетели немцы бое-бордировщик. Был это, вероятно, немецкий фашистским частям нашей линии: налет был жестокий и упорный. Едва показался вражеский самолет, как наши истребители выманили его в бой».

Вылет у врага было преимущественно в высоту. Но подаром Зорюев в совершенстве владел своей машиной. Он мгновенно изменил соотношение сил. Взяв выско вышка, как истребитель, Зорюев ударил в упор по одному из «Юнкерсов». Хвосты крыла бомбардировщика задрожали от пулеметных очередей. Тут уж ему было не до правильно-

го бомбометания: сверху, повиснув на хвосте, давая маневр, Зорюев истребил его.

Зорюев на время прекратил огонь, не упуская при этом своей выгодной позиции. На высоте летчиков это называлось «предложить противнику сестю». Но матерый фашистский летчик не позволил Зорюеву воспользоваться преимуществом: отчаянным маневром он вывернулся из-под истребителя и, дав полный газ, пустил истребитель. Истребитель пошел за ним. «Вперед, вперед, вперед!» — кричал Зорюев, тщательно повторяя все эволюции врага.

Так они ушли за 30 километром от аэродрома, забравшись на высоту 5 тысяч метров. Стали тучи, Зорюев начал маневр, выходя на килеорождатый прибор. Враг полагал опытный: он лавировал, уходил, подмалывал еще выше и выше, не оставляя истребитель времени для нападения. Зорюеву казалось, что он изрешетил бомбардировщик своим пулеметным огнем, но «Юнкерс» продолжал уходить.

Высота — 6 тысяч метров. Зорюев с удовольствием отметил, что он уже настиг врага. Но здесь он с отчаянием обнаружил, что в туманетах не осталось ни одного патрона.

Кожаные ботиночки, стрелять немцем, что можешь еще сделать? Вольнодумцев, что враг промахнулся, не выстрелил, выстрелить домой? Ловня, холодный расудок подкашивалась именно такой исход. Но ведь, кроме лопачи, есть еще вылет боя, боевая простота, нестремительная жесткость и желание победить, поразить противника во что бы то ни стало, не выпустить его живым... Степан Зорюев принимает смелое решение: протинуть своим истребителем самолет противника.

Зорюевым приближал так. Расстояние между винтом истребителя в хвостом бомбардировщика уменьшилось до 2—3 метров. Невверно тулбно было увидеть эти метры. И вот пролетел «стребко» уже под хвостом «Юнкерса». Зорюев начал медленно покатываться со своей авиации. Еще несколько секунд — и противник улетит в облаках. Но шивне. Сперва винт, как британ, срезал руль поворота, а в следующее мгновение — руль глубины. Линивная управление, фашистская машина, неосторожная неустойчивость, стремительно повисла вниз. Никогда еще хвостовые фашистские «ассы» не шировались по тылам противника. До ушей Зорюева доносился с земли вскалывающий, приглушенный аэром. Два истребителя летчика, успевшие вырваться из гибнущего самолета, полади в руки наших частей.

Степан Зорюевым пошел свой «стребко» к аэродрому. Маленькая машина задрожала и привалилась в воздухе. Лопачи пролетели были отбиты наполовину. Если бы не запас высоты, самолет не достиг бы до дому. Он парил как планер. Какой-то продолжал километр стоил чуть не ста метров высоты. Мордуло шло благополучно посылал свое вероучую машину. Вместе с младшим авиационником Комсомольцем Зорюевым в этот момент посыл бое, занялся осмотром своего «стребко». Кроме пролетера пострадал мотор: руль поала во вскрывающий патрубков. Две пулевые пробоины были в хвостовой оперении.

Самлет временно потерял ввиду килеорождения Оспина. Очень скор «стребко» вернулся к Зорюеву таким же крепким, быстрым и послушным, как раньше.

Зорюевым воевал воевал и боевые друзья. Годами они в войсках. Разве не они, волею волевию, вырастили этого замечательного человека, истребителя фашистских паратов «стребко» на истребительном, судорожным заводом, по пристаням Сталинаграда, по управлению пароходства.

Вслед за первыми героями отечественной войны великий советский народ выдвигает на свои свои ступни таких же героев — мужественных, искусных и бесстрашных воинов, как Зорюев, Жуков, Харитонов. Беспредельна неизвестность народа к гитлеровским бандитам, осмелевшим воевать на истребительном аэродроме. Это священнейший гнев будет жить в сердцах каждого бойца нашей армии, каждого гражданина нашей страны до тех пор, пока полностью не будет уничтожена, сметена и лица омыта колючая чума.

Горе тем, кто вызвал и навлек на себя гнев советского народа!

На страже воздушных рубежей

Эту крепость обнаружить почти невозможно. Но крепость-невидимка существует, и называется она коротко: «Противовоздушная оборона» — или еще проще: «ПВО». Когда прозвучит сигнал воздушной тревоги, она вырастает грозной стеной, о которую разбиваются бомбардировщики врага.

Начнем осмотр противовоздушной крепости с ее передовых фронтонов. Для этого надо перенестись за несколько сот километров от города, в тишину полей и перелесков. Здесь, в траве, на опушке леса, у стога сена, на берегу реки, притаились разведчики воздуха — бойцы службы ВНОС — воздушного наблюдения, оповещения и связи.

От того, как быстро обнаружат посты ВНОС врага и доносят о нем, зависит успешная работа остальных звеньев ПВО.

Главное оружие разведчиков — глаза и уши. С помощью оптических и звукоулавливающих приборов разведчики должны своевременно обнаружить и опознать противника. Заметив врага, посты ВНОС быстро подсчитывают количество самолетов, определяют их тип, высоту полета и направление (курс). Враг знает, что и воздух имеет уши, что и земля имеет глаза. Поэтому самолеты летят высоко, с приглушенными моторами, маскируются за облаками. Посты ВНОС должны безошибочно угадывать противника по силуэтам машин, по звуку моторов. Наблюдатели за воздухом несут свою ответственную службу непрерывно день и ночь.

Пост ВНОС состоит всего из 3—4 человек: 2—3 наблюдателя и телефониста или радиста. Радиус наблюдения такого поста — 6 километров. Вокруг городов раскинуты тысячи постов, связанных между собой и со станциями перебиваем, где концентрируются донесения разведчиков, телефоном и радио.

Для того чтобы обнаружить самолеты как можно раньше и подготовить все средства противовоздушной обороны к отпору, посты ВНОС выносятся на сотни километров вперед от города. В Англии, например, посты наблюдения с радиостанциями выстраивают-

ся в море на легких сторожевых судах и рыбачьих лодках. Это позволяет обнаруживать германские самолеты еще до подхода их к побережью. Важно также заблаговременно предупредить мирное население об угрозе воздушного нападения.

Как только обостренный слух разведчика уловит гулкий и низкий рев вражеских моторов, боевое донесение летит на станцию перебиваем, а затем на центральный пост ВНОС. Спустя полторы минуты командование ПВО уже знает, на какой высоте летит машина, где и сколько их пытаясь прорваться к городу. Наступает время действовать авиационной обороне.

В воздухе навстречу врагу выматывают истребители. Пока истребители выбирают высоту, посты ВНОС устанавливают с ними радиосвязь и помогают обнаружить самолеты врага.

Боевая практика показала, что воздушный противник должен подвергаться ударам на всем своем пути. От самой границы и до защищаемых объектов воздух разделен на зоны сортирования. Враг непрерывно попадает под удар то одной, то другой группы истребителей, то под действие зенитного огня или в зону воздушного заражения.

Роль истребительной авиации чрезвычайно велика. Вооруженный 1—2 пушками и 6—8 пулеметами, истребитель летает выше и быстрее самолетов других типов. Установлено, что на долю истребителей приходится 75% сбитых самолетов.

Большую помощь оказывают истребителям проекторы. Луч света ослепляет глаза для врага. Проекторы лишают его главного преимущества — темноты — и затрудняют ориентировку.

Проектор синхронно соединен с звукоулавливающим прибором, который по звуку безошибочно определяет направление и высоту полета. Благодаря звукоулавливателю проекторы имеют возможность быстро выцеливать цель.

Вот в небе вспыхнул оранжевое разрывы: в дело вступили артиллеристы-зенитчи-



Сноп света, словно гигантский палец, покачивает летящих-истребителей и зенитчикам: вот он, враг!

ки. В воздухе поднимается огненная стена. Непрестанно рвется снаряды. Огонь ведут батареи различных калибров. Уходят тяжелые зенитные пушки — калибра 105—120 миллиметров. Они посылают снаряды на высоту до 10 тысяч метров. Вот бой оружие средних калибров — в 75—85 мм, вперевал, либо разрывами на высоте 5—7 тысяч метров. Частит легкие пушки малокалиберной зенитной артиллерии, поражающие цель на высоте 3 тысяч метров.

Каждая из этих батарей имеет свои преимущества. Среднекалиберное оружие уступает тяжелым в дальности, зато оно обладает лучшей скорострельностью; тяжелое оружие ампулет за минуту 10 снарядов, среднее — 20. Автоматические зенитные пушки малого калибра являются основным оружием для борьбы с штурмовыми самолетами. Скорострельность их достигает 100—150 выстрелов в одну минуту. Эти орудия стреляют трассирующей гранатой, оставляющей видный след при полете.

Меткость стрельбы обеспечивается с помощью точных и умных приборов. Стереоскопические высотомеры, дальномеры, приборы автоматического управления огнем помогают артиллеристам вести меткий огонь. Специальные звукоулавливатели позволяют стрелять по невидимой цели.

Считанные секунды требуются зенитчикам, чтобы произвели сложные расчеты. Приборы точно определяют момент и место встречи снарядов с самолетами.

Зенитчики должны не только поражать самолеты сопроводительным огнем, но и создавать непроходимые заградительные завесы, расстреливая боевой строй самолетов, мешать точному бомбометанию, уничтожать парашютистов.

В обороне воздушных проступов к крупному населенному пункту участвуют сотни разномарных орудий. Так, в системе ПВО Лондона насчитывается до 600 орудий. При отражении налета зенитная артиллерия выпускает тысячи снарядов. Только за один налет германских бомбардировщиков на Лондон 12 сентября 1940 года английская зенитная артиллерия выпустила около 500 тысяч снарядов. Если враг осмелевает слезиться до высоты 1500 метров и ниже, его встречает мощный пулеметный огонь.

В противовоздушной обороне городов большую роль играют аэростатные заграждения. Проремная оболочка аэростата, наполнен-



Зенитная батарея ведет заградительный огонь по самолетам противника.

КОТОВЫЕ

Молодое поколение

ная газом легче воздуха (гелием, водородом), поднимаются на стальном тросе на высоту 4—5 тысяч метров. Стальные тросы аэростатов заграждения, поднятых на подступах к городу или над ним, образуют невидимый для врага забор, в котором застревают техника бомбардировщиков. Воздушные заграждения из аэростатов организуются на ночь для прикрытия важнейших линейных подступов.

Но допустим, что несмотря на действие этих средств ПВО все же удастся провалиться к городу. Все равно борьба с ними не прекращается. Неоходимо горючие смеси развезти на зоны. При нападении на город (МТО) требуется перейти к артиллерии, то ночью встребуют, то все средства авиационной обороны одновременно.

С этого момента начинает действовать еще одно средство противовоздушной обороны — МТВО.

Впрочем, свою деятельность местная противовоздушная оборона развертывает еще задолго до появления врага.

Задача МТВО — задержать неприятеля техникой боематериала и техникой подразделениями. Хорошо организованная местная противовоздушная оборона может нанести к минимуму потери и жертвы от нападений в воздухе.

Прежде всего надо помешать противнику отыскать цель, лишит его ориентировки. Для этого тщательно маскируются здания, сооружения, мосты. На улицах, дорогах и бульварах вносятся дополнительные макеты зданий, строятся буферные заводы, всякие в военном отношении сооружения маскируются растениями, камуфляжной окраской, декорациями.

Главное средство маскировки — это темнота. Города, которым угрожают воздушные налеты, тщательно затемняются.

Предприимчивый налет, неприятель высматривает вперед самолеты-разведчики. Днем обычно работают, держась на большой высоте, ночью — прикрываются облаками тумана. Современная аппаратура позволяет снимать с высоты 10 тысяч метров. Ночью разведчики практикуют сбрасывание мощных осветительных ракет на территорию, давая противнику обнаружить нужные объекты. Зенитная артиллерия, особенно малокалиберная, своим огнем распространяет эти ракеты.

Чтобы сбить с толку защитников города, враг использует различные способы прорыва. Бомбардировщики летят на разных высотах по одному основному маршруту, то по нескольким направлениям, то пооборачивают к городу одновременно со всех сторон, организуют «звездный» налет. Тактика налета меняется. Часто налет осуществляется несколькими эшелонами. Первая группа бомбардировщиков сбрасывает зажигательные бомбы с тем, чтобы создать пожары, осветить отдельные районы города и этим облегчить нахождение важных объектов. Последующие эшелоны сбрасывают фугасные бомбы с большой мощностью, чтобы разрушить допотопные и большие. Нередко при нападении огнеминуются окраины города, оных только зажигательных или только фугасных бомб.

Если бомбы сброшены, настает черед действия пожарных команд, аварийно-восстановительных команд, санитарных дружин, т. е. групп самодеятельцев. В борьбе с воздушным врагом вступают население города. По сигналу воздушной тревоги тысячи граждан, мужчины и женщины, занимают свои посты на чердаках, лестничных клетках, в подвальных зданиях. Население самоотверженно обнаруживает зажигательные бомбы, разбитые авиалавы, оказывает первую помощь пострадавшим.

Начальник ПВО со своего командного пункта имеет возможность видеть на светящейся карте движение каждого самолета врага. Эти данные фиксируются до пунктов постов ВНОС и наблюдательных пунктов зенитной артиллерии. На другой карте можно наблюдать действия всех звеньев обороны.

Такова моральная крепость, воздвигаемая на воздушных подступах к городам.

Особенной славою красноармейский кавалерийский полк насчитывает двадцать четыре года существования.

Кавалеристы не только рубят врага в конной механизированной конке: когда нужно, они могут, оставив коней где-либо в прикрытии, в лесу, или в густой траве, в спешившей лобовой атаке не менее лихо рубить на смерть и уничтожать врага.

О трех таких боях, проведенных 1-м эскадронным полком комсомолец нестаритого большевика старшего лейтенанта Николая Стаплевского Окнянского, идет сейчас речь.

В этих боях молодые котовы с честью и славою выполняли боевые традиции котовцев гражданской войны.

Молодое поколение котовцев... Каждый из них — почти ровесник своего полка. Подполковник — большинство бойцов полка — комсомольцы.

Комсомолец эскадрон... говорит младший мотопехотник Дьяков.

Тюфанди, пригнавшие к стволам деревьев, мирно покачивают овец. Построены ослабевшие. Эскадрон расположился на отдых в густой заросли леса.

Бойцы вспоминают минувшие дни... Это было жаркое, ползучее. Этим днем никогда не забудешь.

Малой кровью, могучим ударом

Эскадрон получил приказание наступать, выбить остереженного противника из мостика П. Коротко развязывается кавалеристам боевая задача. Наступление приполюет, бороз...

...которой бы в бою не терпится Рубежскому, Орлову, Буракову.

В бой вступает каждый котовец. «...они оставлены. Действуем в темном строе. Под пулеметным и артиллерийским огнем, под ливнем свинца энергично и смело пошел эскадрон в наступление. Каждый метр земли борется с трудом: котовы охвачены пылью, вылезли по-пластунски, давая противнику возможность стрелять вперед. Первыми шли, воздушная бойцов, комсомольцы. Младший сержант Корешкин, младший сержант Орлов, Бураков, ефрейтор Семенов...»

Коварный враг амфиравал в поле. То тут, то там гудю взрывались мины, расевая осколками. Бойцов засыпала земля, а они шли, ползли все вперед и вперед, подывая фашистов вперед. Быстро, без малейшей задержки подошли мины Дмитриев.

Метким огнем наших минометчиц заставили противника замолчать при огневых точках врага. Две точки ликвидировали пулеметчики. Огонь противника ослаб.

«...В атаку, вперед! Поднялся эскадрон. Превосходные силы пулеметной артиллерии! А котовы били, крушили и бесцельно уничтожали фашистскую невесту.»

Встреча с мотоциклистами

Эскадрону дана новая боевая задача — обеспечить продвижение и сосредоточение бойцов в районе К. Эскадрон должен был быстро войти в этот район, занять линию обороны, не допустить продвижения противника. Легко опрокинув передовые части врага, эскадрон занял линию обороны, расставил огневые средства.

Уверенно до наступления темноты, закопавшись в землю — такова дальнейшая задача. Заработали лопаты: эскадрон зарывался в землю. Не было дышек. Когда блеснул последний луч заходящего солнца, эскадрон окопался, создал крепкий оборонительный рубеж.

Ночь пролежали котовы в земле. Наблюдатели высматривали в ночную муть. Бдительность и еще раз бдительность! Это золотой закон войны. Враг продолжал молчать. Ночь прошла тихо.

«...Лес озарила прорезавшая зари. На опушке леса у каждого окопа, заперевшись противник. Разведка предупредила: враг предпринимает

наступление, идет большая группа его мотоциклистов-разведчиков. С шумом и грохотом катились мотоциклисты, будто их велый полк. Вот они проехали уже некую замаскированную болото отрядом.

Ближе к ближнему котолов. Не терпится горячим котолов. — Еше не время! — уверенно и твердо отвечает лейтенант, командир пулеметного эшелона — 150 метров... 120... — шепчет Павлик; — 100... Огонь!

Застрелена медия пулеметная зроби. Полетели с мотоциклов, как осенние листья немские вошки. Ни один мотоциклист не ушел от меткого огня. Те, кто хотел удрать в лес, были уничтожены оставшимся в тылу у немцев нашим боевым оружием.

Автоматы, мотоциклы — все пошлое кувкомом. Комсомольцы Шевченко, Дорошенко, лейтенант Павлик били метко, без промаха. Основные силы немцев, выйдя крепкую лавпу оборону в этом бою, не появились.

Задача выполнена. Полк двинулся дальше...

«Товарищ Вальтер, дай духу герру!»

Эскадрон шел в головном отряде. Разведка доносила наперед, как наступил противник.

Враг близок. Головная разведка нашего эскадрона уже велет бой с 50 мотоциклистами, поддерживаемыми немскими броневиками. Эскадрон спешивался вперед, чтобы помочь разведке. К врагу пошлою покрепление — около двух рот мотоциклов. Одна из рот отрезала эскадрон. Враг повел наступление. Эскадрон вступил в неравную бой, отсек атаки боем внимание немцев и дал возможность полку выйти из окружения.

Задача выполнена. Но как! Какими героическими усилиями и доблестю котовцев!

«...они аринули в атаку. Теперь нужно самому эскадрону выйти из окружения, провалиться в единственное «ворота» — через мостик из шпалов. А вокруг высокие холмы, отсек атаки боем сирвантисшими земами. Шоссе упирается в сельскую церковь, с которой бьет вражеский пулемет.»

«...А чу, товарищ Вальтер, дай духу герру, ассениуму на колыбель!»

Красноармеец-комсомолец Вальтер, по национальности немец, — пулеметчик. С духу востроил он заставил немцев замолчать фашистский пулемет и пулеметчика.

По два — три человека выходили из окружения: перекачаны, толком по кавказе. Выходили под прикрытием пулеметного огня. Враг ползет, стреляясь комсомолец, младший лейтенант Раба. Вражьи выли настали его. Он, умряя, завал:

«...Вперед, товарищи! Это были его последние слова. Трнадцать раненый в бою, младший лейтенант комсомолец Токмелев, умрял, звал к борю.»

Вечная память и слава хребрицам!

Раненый в правую руку комсомолец командир взвода лейтенант Винокуров выволил из окружения убитого. Когда на него настали фашисты, желая взять котовы в плен, Винокуров левой рукой сбросил их гранатами и вышел из окружения.

Метко рубил врага из ручного пулемета комсомолец ефрейтор Семенов. Расстреляв все патроны, он под огнем врага за собой пулемет. Враг Семенов увидел на траве убитого комсомольца тов. Рабона. Он берет его на плечи, несет... Но враг близок... Дорожная ноша тяжела. Семенов опускает Рабона на землю, быстро снимает с него мертвого зонта наги.

«...Получите, гадь, за убитого командира!» Из нагана командира расстрелявал Семенов группу фашистов.

«...Вот и все! Огонь бросил эскадрон, пока не вышел из окружения. Последним прорвался младший лейтенант Дмитрий Москаленко.»

Старший полковник
Ю. МАЛИШЕВСКИЙ

Действующий артил.



Москва в это

Москва находится под угрозой воздушного нападения. Территория огромного города, как бы ни была защищена воздушной защитой, не безопасна: сверху, по мосткам ты донметает, там, чуть ниже перистых облаков, может быть враг.

Сейчас непосредственно нужно то, что нужно войне. Надо освободиться от доводных представлений, надо помнить, что главное, как делать цель, нужно не только тебе, но и твоему городу и твоей родине.

Все люди узнали, какие чердаки над их домами. Московские чердаки сейчас вычищены. На чердаках стоит мешки с песком, на перекрытиях — бочки, у стенок — доски, клещи.

В те ночи, когда налетает враг и бросает на город зажигательные бомбы, десурит у окон подрастая.

Они раньше сидели на крышах, но на крышах сидеть запрещено: стреляют зенитки, и через минуту — две после того, как смолнут зенитки, не торюясь, падают на крышу с ветряным стуком осколки снарядов.

В воздухе шипит вражеский самолет, начинают говорить зенитки.

Враг бросает ракету, над городом повисают голубы кулоны холодного выжвнного света. Трансирюющие кулы простегивают воздух. Потом крик: «Зажигали!»

Свет врывается в окно. Крыши поджариваются людьми. «Зажигалок» у нас не боится, их быстро тушат. Иногда только вспыхнет пожар, встанет в небо невысыками деревья и быстро срывается ударами брандспойтов.

На крышах больше молодежи. У кровов люди постыжи. Если идешь по городу и видишь спорную крышу, ты осуждаешь людей: не доглядели, проспали, не выдержали вухты!

На Москву было сброшено много бомб. Пострадал один из пемников, который сейчас уже восте повел. Бомба попала в одну психиатрическую больницу, и восте не страдало несколько лечебных учреждений, несколько школ, театр им. Вахтангова.

Москва — очень большой промышленный центр, в котором есть сильные установки и заводы со сложными станками.



СВЕРХУ ВНИЗ:

* Комсомольцы столицы изучают военное дело. Инструктор Н. А. Попенко объясняет устройство пулемета.

* Город готовится к защите от химического нападения. Химическое звено жильцов дома 117, по Лужинской улице, на практических занятиях по десекции.

* Бойцы пожарной звена группы самозащиты дома № 3, по Средне-Тихинскому переулку, локализируют возникший от сжигательный пожар.

* Ташару Яковлевну Голубеву называют специалисткой по тушению зажигательных бомб. За одну ночь она вместе с организованной ею командой потушила 63 зажигательных бомб. Т. Я. Голубева награждена орденом «Знак почести».

Направо:

* П август в Москве состоялся комсомольско-молодежный воскресник. Комсомольская бригада И-ского депо, Ленинской железной дороги, отремонтировала паровоз за один день вместо положенных по норме пяти дней.

* Демонстраторы бомбардировщиков № 63—70 собрали свыше 250 килограммов цветных металлов.

дни



Московские заводы нем.

Что же добиваются фашисты, разбрасывая бомбы зажигательные и фугасные так широко и так бессистемно? Фашисты атакуют не заводы — или во только заводы, — они атакуют психику людей.

Их надо, чтобы Москва не спала, чтобы люди не могли утром хорошо работать, чтобы Москва не могла хорошо стоять у станка, хорошо читать книги, хорошо учиться.

Немец бомбит давило, и о том, как алиняет бомбежка на нервы, они знают хорошо.

Но немцыский расчет в Москве оказывается просчетом.

Наш город и наша психика бомбоупорны.

В Москве продолжается жизнь. Имеют успех дзета «Боксеры», первые дзета «Комсомофруж» и «Свенюнас».

Работают театры, идет Шекспир, и чекоповские пьесы доходят до публики.

Город насторожен, город перестраивается, но город живет и работает.

Война учит и перучивает людей. Молодежь занимается автомобильным делом. Комсомольцы осваивают новые станки, старики обучают молодежь пулеметному делу.

Фашистам важно время.

Время у фашистов считанное.

Они меняют танки и людей на время.

Для того чтобы захватить наступление, они могут свергнуть мир в новую бездну горы, применить химическое оружие.

Москва готовится к химической обороне. Люди проверяют противогазы, перестраивают бомбоубежища в газубежища.

Газы — страшное оружие, но и бомбы — страшное оружие, и, однако, не это решает войну.

Войну решают упорство народа и его резервы.

Москва кое-где испарившая жесткими пальцами бомб, но город легко восстанавливается: опять вставляются стекла, опять начинается жизнь.

Только после каждого налета, в следующий раз, все громче и все выше стреляют зенитки. Москва становится все жестче на вкус.

Москва живет, Москва занимается спортом. Идут занятия конным спортом, водные состязания, футбольные матчи.

Москва собирает свои силы и находит все новые и новые резервы. Все на оборону!

Люди собирают на оборону цветные металлы, люди отдадут на оборону часы своего отдыха. В Москве провел комсомольский воскресник, в котором приняло участие свыше 600 тысяч человек.

В Парке культуры и отдыха гуляют люди, смотрят на Москву-реку, разговаривают о будущем, о любви.

На улицах торгуют книгами.

Это — возрождение старого книжного торго около Китай-городской стены. Покупатель не всегда знает, какую книгу он хочет купить. Ему приятно рыться в книгах, выбирать их, перевертывать. Думаю, что такой книжный торгов сохранится и после войны.

Так проходит день. Наступает вечер.

Травяны не раскохится во парком, они почуют сейчас на улице.

Люди ложатся спать, приготавливают пальцы на случай ночной тревоги.

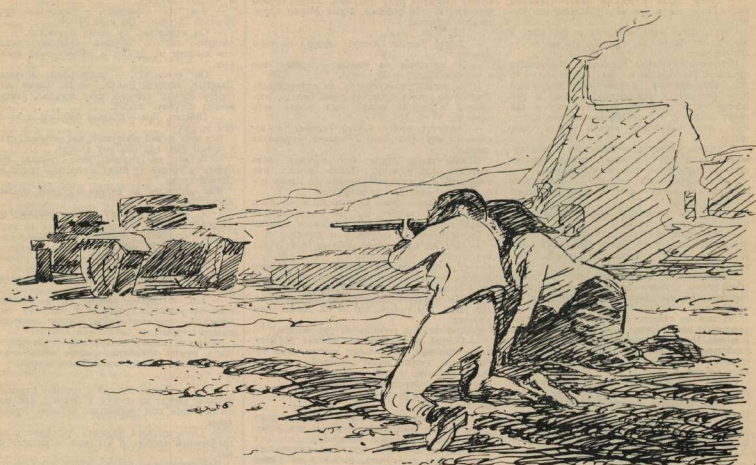
Москва засыпает спать. Вокруг нее по всему горизонту вышкают более блестящие зенитки, охраняющих город от врага.



СВЕРХУ ВНИЗ:

- * Продажа цветов на улицах Москвы.
- * Книжный торгов и магазин № 46 Москва. Продает книги комсомолка Зина Ликтохана.
- * Начался учебный год в вузах. Студенты 1-го ордена Ленина медицинского института на занятиях.
- * Тренировка будущих кавалеристов в одной из московских школ Осоавиахимы.
- * Молодые патриоты заменяют на производстве старших братьев ушедших на фронт. Ученик 41-й школы Ленинского района комсомолец А. Успенский в короткий срок освоил профессию шифровальщика и работает по-сталиновски.
- * По войной глади Химкинского воздухоплавания снимают парусники, катера, шлюпки. Тысячи конюшей овладевают военно-морской специальностью, чтобы прийти в Красный Флот опытными, умелыми моряками.





Гузлица дедушки Дьордые

РАССКАЗ

Не звучат больше в Черных горах гузлицы и тамбуры. Молчат молодые певцы и музыканты: глубоко в земле спят одни, глубоко в лесах прячутся другие. Потому что это кровавый 1941 год.

Финские убийцы и разбойники захватили Юго-Славонию. Не танцуют больше в сербских селах народный танец — калку. Огни погребальные песни поют там женщины, а к ним не требуется аккомпанемента гузлицы.

Только старый Дьордые снимает иногда с гвоздя свою старую гузлицу, хоть и не какает на ней двух струн и в самой середке лезавого ее тела зияет дыра.

Старая гузлица получила свою рану, как и многие сербские герои, в те страшные дни, когда прошли через Саву немецкие танки. Это случилось, когда сорвали в деревне фашистский флаг со стальной и немецкой карательной эскадрильи стреляли из пулеметов в окна хижины.

С тех пор хрипела простреленная гузлица Дьордые.

— Она охрипела от нечаянности и гнева, — говорил обычно старик. — Но она еще будет петь лебно место, она прославит еще победу наших героев так, как прославлял Марко Краплевича в старинных народных песнях.

Теперь старый Дьордые умоет наветра, но героическую смерть его воспоет простреленная гузлица.

Из хижины дедушка Дьордые было видно солнце над голый вершиной скалы Румынских. Завит было около ошестидесяти часов утра. Четырнадцатилетний Мирко, смотрел вверх на голую скалу, похожую на провоз сжатый

кулак, и на коршунов, которые, расправив крылья, как зороплены, парили в воздухе.

— Коршуны кричат, — сказал Мирко, — ты слышишь, дедушка?

— Коршун-старятинки в Черных горах теперь всегда слыты.

Он свел у являкин на маленькой скамейке и тоже смотрел на Румынцу, которая, казалась, утрожала кому-то своим каменным кулаком.

— Но я слышу, как кричат птицы, дедушка.

— Это не птицы, — старик повлился со скамьи. — Это зовут нас. Скажи бабушке и Зденке, чтоб скорее шли сюда. Твой брат Милош идет нас на кладбище.

Мирко побожал в хижину и скоро вернулся с бабушкой и женой брата. Зденка вела за руку двухлетнего сына. Они быстро пошли к кладбищу. Оно было недалеко: хижина дедушки Дьордые стояла на самом краю деревни.

Кладбище было маленьким — маленькой была и деревушка. Но за прошлый месяц на кладбище появилось столько новых крестов, что пришлось с одной стороны сломать ограду. Ведь в деревне побывала немецкая карательная эскадрилья.

Дедушка Дьордые прошел на старейшую часть кладбища. Оттуда слышен был крик коршуна. Ветки акации раздвинулись, и среди зеленых листьев показалось темнокоричневое, черниглазое лицо Милоша.

— Почему у дедушки Дьордые теперь только вунки? Где же сын его и жена сына?

— Сын пал в бою под Крагуевцом, а жена сына погибла с оружием в руках недалеко от

Варды, где она сражалась в партизанском отряде...

Теперь семья сидела в кустах акации. Мирко изобразил на кладбищенскую ограду и сторожил. В воздухе раздавались погребальные песни женщины, сидящих на могилах.

— Вот я привнес вам немного муки, — сказал Милош, перекая бабушке вешочку. — Мы с товарищами напали на обоз немцев. Они везли на вокзал награбленную у нас муку. Кто-то удалось отобрать у них.

Милош был красивый двадцатичетырехлетний юноша, одетый в взорванную серебряную военную форму. На голые его бедра повязка: он был ранен в лоб.

Он взял на руки своего двухлетнего сына и расприпавил родных обо всех, даже о кале, которую удалось спрятать от немцев в яме.

Но мирная беседа длилась недолго. С кладбищенской ограды раздался крик Мирко: — Притчесь! Немцеве машин слут из Дубини!

Милош поцеловал сына и перedal его матери. Все встали.

— Скорей, Милош! — кричал Мирко. — Машин уже подъезжают к акации. Три пустых грузовика с солдатами.

Приехали за последним нашим добром, — вздохнула Зденка, прикая к себе сына.

Милош поцеловал ее, поцеловал дедушку и бабушку и перепрыгнул через ограду.

Потребляемые песни умолкли. Женщины разбежались по домам. Они хоронили, знали, что значит появление в деревне пустых немецких грузовиков. Дедушка Дьордые с семьей тоже затворился домой.

— Сосед, такой же старик, как и Дьордые, только что вырыл яму в глубине двора. Жена

его стояла рядом, держа что-то под фару-ком.

— Зачем такая глубокая яма? — спросила она. — Подлеба и три яма! Больше нам ничего přátя.

Сосед молча взял подлебу и три яма и закопал их. Потом он засматывал это место сумою песком.

Немецкие грузовики подехали. Ревнивица началась. На каждой из трех машин было по два унтер-офицера. У них был подворный план деревни, с указанием, обложку и ней дома, какие дома подлежат обложке и как зовут жителей. И все же ревнивица протекла очень медленно: ничего нельзя было найти.

К машине, которая остановилась перед кижиней дедушка Дюрье, солдат принес отрезок сыра и три буханки кукурузы.

— Versteht sich einmal! — выругался фельдфебель. — Это — сыр? А должен сыпать продукты тынам!

— Во всем доме нет даже картофельной шелухи! — сказала солдат.

— Но люди еще жуют, так? Значит, они что-нибудь едят, так? Назад! Продолжайте поиски. Вын выеут сумасшедшего Янка, — сказала капрал, — он вам поможет.

Действительно, два солдата были по улице обранного, грязного парня. Голова его была опущена, бессмысленный взгляд блуждал по сторонам.

В машине старого Дюрье немцы все перевернули вверх дном. Сундук взломали прикладами. Янок от стола лежал рядом с двумя разбитыми кушаньями. Старый шкаф был взломан, и жалкое его содержимое рассыпано по полу.

Солдат, руководивший обиском, кричал бабучке:

— Выкладывайте ваш хлеб, иначе вам плохо придется!

— У нас нет больше хлеба, — с влечательным спокойствием отвечала старуха. — У нас давно уже все отобрано.

— Дов! Вы даже не платите!

— У нас нет больше слез, — ответила тихо бабучка. — Мы выплакали все слезы!

В это время в комнату вошел Янк. Он хотел входить. Деревяк за косяк двери, он дрожал и скулил как животное. Тогда капрал ударил его ногой, и Янк, потеряв равновесие, упал на пол.

— Пожани нам, где спрятал хлеб, — сказала капрал. — Ты же должен знать дом своей бабучки!

Но Янк оинт заскулил и закрыл свои руки.

— Ты же только что на улице говорил, что у них есть еще коза.

Янк перестал скулить и запрокинул, Зденка поблизеда, что-то прокричало в лице Мирко.

Бабучка спокойно сказала:

— Наша коза сгорела, козла последняя карательная экспедиция поглотила комитиою.

Она крепко схватила руку дедушки, и он оставался совершенно спокойным. Но из-за молодой женщины скатилась слеза.

— Ага! — закричал капрал в улыбку. — У вас есть еще слезы, значит, у вас есть и коза! Давай, Янк! Ты получишь сыра и водки, Янк, если найдешь козу!

На тумане лица являто появилось что-то

Чорт подери!

похожее на улыбку. Он пощипал руку и заблеял, совсем как маленький козленок. Бабучка стиснула руку дедушки. Зденка крепко дрожала и обле ребена. Тогда Мирко вдруг громко закричал:

— Ой, нога, нога!

— Тышел! Заткни глотку! — зарчал на него капрал.

Я наступила на твою! — заревел изо всех сил Мирко. — Ой, нога!

И он показал правую ногу, на которой действительно зияла кровавая рана. Гвоздь, торчавший в ножке стопа, был также весь в крови.

— Заткните этого болвану глотку и заставьте еще раз блеять адюта, — приказал капрал.

Солдат зажал Мирко рот, а Янку снова обещали сыра и водки. Идут заблеяла, как козленок, и в глубокой тишине со двора послышалось отрывное бривание козы.

Два солдата сейчас же побежали во двор.

— Молоко, значит, мы уже раздобыли, — сказала капрал.

И Мирко вынули из печи четыре кирпичи и достали из отверстия старое курковое ружье и четыре патрона.

— Как же невиннат, — умоляюще прошептала бабучка. — Он ведь блеял.

— Он невиннат, он очень несчастен, — в раздумье сказала бабучка. — Потому судить его должны не чужие, а только свои, кровные.

— Он невиннат, — подтвердил дедушка Дюрье, зарывая ружье, — но он опасен для своего народа: сегодня козу погубил, завтра может погубить людей.

— Подем, Янк, — сказала бабучка и взяла его за руку.

Янк шел за ней послушно, как ребенок, стал у стола и дал ему целую монету.

— Встань на колени, Янк, — сказала бабучка; в голосе ее были жалость и грусть. — Закрой глаза.

Янк опустился на колени и обеими руками закрыл лицо.

— У тебя не дрогнет рука, дедушка? — спросила старуха.

— Нет, — ответил дедушка Дюрье. И рука его не дрогнула.

Штабной телефонист в Дубиче был очень аэволюван.

— А-а, понимаю, — кричал он в аппарат, хотя не разбирал толком а том, что ему говорили, — немечки солдат ранили напаше на них сербы?

— Неслыжано! — возмущался капитан. — Здесь нужно применить крайние меры, иначе дело дойдет до восстания! Таких вперед!

В это же время Милош с группой партизан устремился в лес около Дубича, как раз на повороте под скалистым кулаком Румачины.

— Здесь должны проехать грузовики с награбленным хлебом, и мы сможем напасть на них.

Действительно автобус показался быстро приближавшиеся машины. На одном из них жалобно блеяла коза.

— Не беспокойтесь, — говорил с нападением. — Вдур к ним подбежал часовой!

— Стойте! С другой стороны идут немечки танки!

— Назад! — приказал Милош. — Мы найдем более подходящий случай напасть на них.

Партизаны отступили в лес. Только Милош спрятался в кусты на краю дороги. Встреча грузовика с танками произошла совсем близко от него.

— Куда? — спросил капрал первого танкиста.

Карательная экспедиция в деревню, — услышал он в ответ.

— Почему? — удивленно спросил капрал.

Он уже давно забыл об укушенном пальце. Вспомнил он только бабучку и невольно послала немечки солдат. Милош убивал! — прокричал танкист и с грохотом поехал дальше.

Милош, слышавший этот разговор, бросился в лес, чтобы сообщить о нем товарищам.

Слух о том, что идут немечки танки, прошел по деревне.

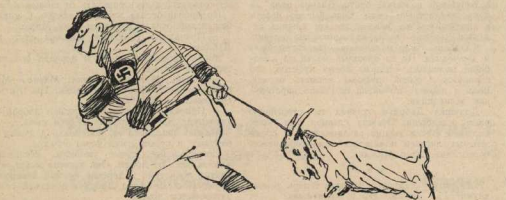
Дедушка Дюрье надел новую рубашку и лучший костюм, потом взял ружье и вышел на улицу. Встан на колени посреди дороги, он положил рядом три оставшихся патрона. Бабучка стояла в дверях, прощаясь с невестой.

— Пойтеме с нами, — умоляла Зденка, — Уйдем все вместе в лес!

— Нам, старикам, уже не хватает хлеба, — спокойно сказала бабучка и невольно послала Зденку по волосам. — Не плачь. Для нас больше чести погубить здесь, на посту, вставив наши старые нули в проклятых пальцах, чем умереть голодной смертью.

Зденка не плакала. Вслед за другими она пошла в лес вместе с ребенком.

— Я останусь с дедушкой, — сказал Мирко. — Нет, — ответила бабучка. — Ты побейте сейчас в лес к брату и раскваше комитачи? что здесь случилось. Скорее, Мирко! — Мирко бросился в лес.



— Молоко, значит, мы уже раздобыли, — сказала капрал.

2 Партизанский отряд.

За авианами поднялась туча пыли.
— Сейчас они покажутся,— сказал Дорье своей старой жене, которая опустилась на колени рядом с ним посреди улицы.
— Ми сорок лет провела вмести, Дорья,— тихо промывала старуха.
— Это были сорок хороших лет.
— Вот уже немецкие танки,— сказала старуха и показала Дорье вперед пистолет.
Дорье завел курок, зарядил ружье и отвел в сторону свою длинную борозду, потому что она мешала целяться.
— Какое, как кресты, выстрелят танки, как дым пожара, клубятся тучи пыли.
Посреди улицы на коленах невысокий старик. Он поднял ружье к плечу и прицелился. Старуха рядом с ним запела старинную погребальную песню, Старик выстрелил. Женщина, продолжая петь, показала ему второй пистолет. Быстро приблизился танк. Вот уже можно различить шель в паром из него. Первый водитель видит двух смеющихся стариков, стоящих на коленах посреди улицы. Но старуха выскочила и подает ему прямо в глаза, и водитель, мертвый, сползает с сиденья. Танк теряет направление и летит в канаву.
Второй танк едет вперед, и те, кто сидят в нем, как будто и не видят, что кто-то гусеницы кромеет двух старых людей, прожженных сорок лет друг с другом.

...Партизаны окружили мальчика Мирко и в мрачном молчании выслушали его рассказ.
— Мест! — сказали они. — Мест!..
— Мы уингоном танка, когда они будут возвращаться в Дубину! — воскликнул Милош. — Кулак Румынцы раздвигат их.
— Большая голда стала, покаяла на тронской кулак, вилела как раз над поворотом дороги. Скала была мирозина.

Большую часть отряда Милош прогнал вниз, чтобы оставили деревья старинный парком на повороте: только на несколько минут нужно было задержать танки.
— Кто хочет поидеж инок? — спросил он потом. — Тот, кто сделает это, назад не вернется.
И все захотели сделать это!
Но вперед вышел Милош и сказал:
— Мне еше слишком слаб с оружием в руках бороться против фашистских банд, но умереть как серб я могу. Пошлите же мне фашист фанал.
— Пусть ринет его брат Милош,— сказали партизаны.

Милош поцеловал Милош брата, передавая ему фанал.
Мирко увидел танки вдали, но с трудом следила свое нетерпение, ждал условного сигнала. Танки уже исчезли за деревьями, и Мирко было подумать, что план не удастся выполнить.
Но тут вдруг он услышал выстрелы и бросил фанал в порохую яму.
— Глушающий снаряд в воздухе. А когда густое облако дыма обволокло скамейки кулак Румынцы, люди увидели, что кулак прогнал. Да, он двинулся и грозил, а потом с ужасоном грохотом обрушился вниз по крутому склону.

Тело Мирко отыскать не удалось: оно исчезло бесследно. Но и немские танки были разбиты так, что коммандовано орудия не имело смысла собирать отдельные части.
Все это случилось в Черных горах в 1941 году.

Но звучат больше в Черных горах гулазии и тамбуры. Только погребальные песни поют там женщины, а погребальные песни обходят без замонамента гулазии.
— Воскреслена старая гулазия старика Дорье.

— Она охрихла от гнева и ненависти,— говоривал кулак до старик.— Но песню места еше споет эта гулазия.
Не только песню место споет она, но и расскажет о том, как свершилось возмезжие и как славный сербский народ изгнал из своей страны вилых захватчиков и снова стал ковать свое счастье.

Перевод с немецкого
М. ПУШКАРЕВА



На утренних занятиях в хирургической клинике имени Герцена. Доктор Яшишевский и группа студентов-медиков 5-го курса I медицинского института беседует с больным, амбулаторно лечимым после тяжелой операции.

У будущих врачей

Около доктора Яшишевского толпятся кружок курсовых трудя студентов в белых халатах. Уже второй час длится оживленная беседа — зачет по самостоятельно проработанной работе.

С таких бесед начинается учебный год для студентов последнего курса. В этом году для медиков студенческая практика была особенно ответственной. Нарядно приходилось им заместить уходивших на фронт врачей, а если ужасны медсестры, то работать и за них. Студы входили студенты в ритм той напряженной деятельности участвующих врачей, трудя которых жизнь ежедневно ставит самые разносторонние задачи. И выходили они из этого испытания опешими, уверенными в своих первых самостоятельных назначениях.

В июле студенты вернулись в Москву. Учебный год в мединузах начался необычно: на месяц раньше. Фронту требовались врачи, и надо было ускорить сроки окончания института.

Четыре месяца — вот сокращенный срок, который дали выпускникам до окончания курса. За это время им надо было сделать очень много: усилить свою хирургическую подготовку, изучить технику переливания крови, наложения шин, гипсовых повязок, глубже ознакомиться с вопросами асептики и антисептики, с травматологией, военно-санитарными дисциплинами, военной гигиеной.

В августе, на первой же лекции, отразившей учебный год, докторы занялись скамьи большой аудитории. Какой бурной овацией встретили студенты поднявшегося за трибуну лектора, академика Николая Николаевича Бурденко! Он только что вернулся с фронта и, полный впечатлений, рассказывал об отчаянных боях, выходящих под пулеметным огнем в поющих госпиталях свое благодарное дело. Хирурги! К ней приковано в эти тревожные месяцы войны внимание большинства старших курсовых, занимающихся сейчас особенно напряжено. Кажется, что до последней минуты ушли они свои учебный день. По утрам в переизобилии, оперированных ими наследуют шини, гипсовые повязки, мешают перевязки, ассистируют на операциях.

Несколько дней в неделю студенты работают в больничных и клиниках, заменяя старших товарищей, ушедших на фронт. Даже и теперь, когда им так дорог каждый час, они горячо стремятся помочь, чем могут. Институту имени Скляфасовского покуда обильно

сестры — на помощь пришли комсомолки I медицинского института. Как только узнали о другом срочном деле (нужно было после ремонта переоборудовать клинику в госпиталь), в комитет комсомола явились 20 студенток, предложивших свою помощь. Трое суток девяти-мелкими мыли огромные стеклынные окна, терли полы, двери, стены, мыли матрацы, ванночки.

По ночам многие студенты вместе с врачами и профессорами переправляются в пожарных, охраняя научный городок от фашистских зажигательных бомб.

Еще не покинув университетской скамьи, учащиеся стали полными достоинствами врачей, ассистентов, профессоров. Подполковник Зейбалко, которому в одном из военных госпиталей вынимали пулю из ноги, вероятно, и не подумал, что ассистировали хирургу на операции студенты: так серьезно и сосредоточенно выполняли они свои медицинские обязанности.

...И длинным боковым коридором госпитали мы видели, как серьезно прощались девушка в белом халате с невысоким кареглазым бойцом. Эта студентка-куратор забегивала следила за выделорением красноватой Деминя, ждал его историю болезни. По этой истории ей предстояло впоследствии сдать зачет. И вот теперь ее больно возвращался на фронт. Куратор проводила его до ворот клиники.

А вечером будущего врача ждала неожиданная. Полурта по комнате вручила куратору газетную вырезку.

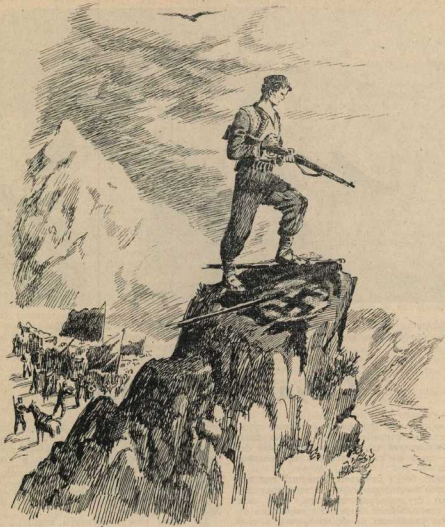
— Большая твой как, Маруся? Неужели уехал? Вот досадно — отнеси бы это!

В газете была напечатана «Баллада о красноварие Деминце. Речь шла действительно о нем, ее воевом бойцом, пушке Деминце, рабочем из Горьковской области. Так вот откуда у него рана в плечез, жалкие ожоги на груди, синие, бездур.

Потом рассказывали о какой острой отягощенной болезни злетел боек к фашистскому танку и зажег его. Раненый в плечо, он не заметил боли и шарил за бутылкой с заветной смесью во второй танк. Все машины запылали.

...Студентка приложила балладу к своим зачетным запискам по истории болезни Деминца, и теперь ей особенно дорого стало амплорование этого смелого человека, у постели которого она дежурила не раз.

И. Б.



Радуле **СТИПЕНСКИЙ**

Позд Радуле Стийенский родился в 1933 году в Черносории. Вся его жизнь прошла под знаком борьбы за свободу славян. Позд принимал деятельное участие в борьбе сербского народа за национальную независимость.

Стихи Стийенского пользуются широкой популярностью у нас в стране, ставшей для него второй родиной. У нас вышло 12 книг Радуле Стийенского. Из них наиболее известны «Партизаны на Дриаторге», «Костер» и «Черногорские сказки».

Молодежь балканская, к оружию!

За широкой гладью морского,
За горами, за синими лесами
Загораются чистые звезды,
Запевают военные трубы,
Сталь о сталь ударает со звоном,
Не стихают крылатые перся.
Чьи высокие очи сияют,
Словно звезды перед рассветом?
Чье могучее сердце бьется,
Разгораясь жарче жаровни?
Чьи могучие мышцы играют,
Поступь чья, как бура, крылатая?
Молодежь балканская, здравствуй!
Здравствуй, здравствуй, ювацкая сила!
Я по обе стороны Дуная
Вижу силы и славы гнездовья.
Гей вы, сербы, братья черногорцы,
Вы, далматы, словенцы, боснийцы,
Молодежь Крваны и Лики,
Сыновья Хорватии плечистой

И вольнолюбивые болгары!
От скалистых вершин Триглава
До высокого города Скадра,
От кудрявых лесов Буковины
До широкого устья Ядрана,
Молодежь балканская, к оружию!
Вскрохочут фашистские танки,
Отвертывают священную землю,
Попчут прадедов наших могилы,
Попирают славные кости.
Не тебе ли долбестные предки
Истинную храбрость завещали?
Не тебе ли отцы седые
Смелости и ловкости учили?
Соберись в боевые дружины,
Встань, точно ветер, над горами,
Смертоносной молнией низринься
На захватчиков иноземных;
Не к ружьяной щеке омалядники
Те ты прижми загорелую щеку,

А к прикладу боевой винтовки.
Бей без промаха в черное сердце,
В сердцевину саастика проклятой.
Юность, в бой! Тебя зовет отчина!
Защидай ювацкую свободу,—
Всюду бей врага, не зная страха,
Не давая укрепиться позору
На твоих наследственных землях,
Чтобы очи твои не горели
От стыда, если твой потомок
В них загазнет, тебя испытав,
Чтобы дети от тебя в наследство
В эти годы не приняли рабства,
Чтобы воля взойшла над Европой.
В битве ты не будешь одинока,
Все славянство поднялось с оружием:
Воеет пламя на крутых утесах,
Черный дым застилает небо,
И гремит колокола восстанья,
И грохочут гневные пушки.
Наступай, молодежь, на злодеев,
Что твоих отцов селюков
На сухих придорожных деревьях
Вешает еженощно.
Молодежь! В твой верный дом проникла
Лютая скордурчатая неслось
И твою пылающее сердце
Острыми паразит котлями.
Вековые скалы и пещеры
В дружбе, храбрая молодость, с тобою,—
Там остри ятагами делов:
Вражья кровь да прольется, как мор,
Да сиюют щербатые горы
Под кинушим бременем пожаров.
Брось в огонь все то, чем ты владел,
Ничего не жалей для победы,
На своей рубиновой крови,
На своей драгоценной жизни,—
Замарать не дай лихому сраму
Лики светлые твоих утесов.
Пусть огонь смешается с кровью,
Пусть горит, и кинит, и клокочет.
Ничего не отдавай фашисту,
Пусть ему достанется черный,
Дымом битвы подернутый камень.
Гитлер жаждет крови славянской—
Наноси его жолчьему горочей,
Планю свиному в змеиние очи,
Брат, не бойся гадимы фашистской,
Не уйди ей от этих пожаров.
Бей врага, не зная понады,
Трупами фашистов украшая
Каждый бук и каждую чинару,
Каждый столб в придорожном камне.
Пусть меж этих могла позорных
Бродят пси со вздерженной шерстью.
Пусть над ними вороны вьются,
Ядовитым брезгуя мясом.
Собирайтесь в дружины, славные,
Внесите ружья из подполья,
На точлах ярости великой
Славные остри ятагами.
Братья, следуйте примеру русских,
Бьющих болгарским буздованом
Зверя ланцетом наотмашь.
Гей, треснит скордурта стальная,
Кровь поганая брызжет и летает,—
Встаньте, братья, будущее ваше!
Слава Топола да не стгнет,
Сердце Сербии да не замолкнет,
Да взовется ювацкая сила!
О, как радостно будет, братья,
После нашей общей победы
На алмазных порохом лозаных
Виноградные взвешивать грозды!

С переводом
А. ТАРКОВСКИЙ

ОТОМСТИМ ЗА ПРОЛИТУЮ КРОВЬ!

КРОВЬ ДЕТЕЙ

Мы зловонны горы трупов, груды обезображенных, обесцвеченных тел, куски кровавого человеческого мяса, лежащие на путях, по которым прошли фашисты. Стоящей отомстить мы презренному врагу за каждую каплю невинно пролитой крови.

Страшные злодеяния вопиют о мести. К мести взывают строки бесстрастных документов. Преобладают же слово документов.

Во время своего отступления в районе города П. фашисты напали на старика и двоих детей. Старика застрелили после долгих издевательств, а девочку перерезали на куски и повалили окровавленные куски ее тела за штык. Мальчика заставили все это наблюдать, а потом и его расстреляли.

Пожможаева разведка

С. Г. БЛЯЩЕНЫЙ

ЭТО БЫЛО ПОД ПОЛОЦКОМ

Село это находится под Полоцком. Большое село разделено надвое Западной Двиной. Окколо села, в хуторах, мы нашли труп нашего лейтенанта с ремнем на шее. Все лицо в кровоподтеках в ссадинах; видимо, его долго тащили по земле на ремне.

В том же селе мы видели двух повешенных. Обоих несчастливых перед смертью тяжело избивли. В одном из мертвых узнали председателя местного колхоза, а другой был так избит, что его нельзя было опознать.

В Полоцке немецкие самолеты днем разбомбили детский сад. Дети играли на площадке перед зданием. Фашисты это прекрасно видели.

Убито 25 детей.

Красноармеец Невского стрелкового полка, урженец Смоленской области, ст. Митино, СПИРИДОНОВ Валентин Григорьевич

ПИСЬМО БОЙЦА АЛЕКСЕЕВА

Войдя в одну из деревень района Жлобима, мы увидели детский плач. Спрашиваем: «Что там, мальчики, плачете?» Смотрим: лежит женщина убитая. «Кто убил?» Мальчики отвечают: «Были здесь немцы, поворосли у нее вилы, а у нее не было. Вот они и говорят: «Гляди, старуха, будешь скоро в Московскую вилы». А старуха их отвечает: «Не бывайте вам в Москве». Они ее и расстреляли».

Красноармеец И-ской части Н. АЛЕКСЕЕВ

ЗДЕСЬ ПОБЫВАЛИ ФАШИСТЫ

После того как город С. был взят обратно частями Красной Армии, глазам бойцов представила жуткая картина кровавого фашистского разгрома. В одном из дворов валялась трупы двух четырнадцатилетних девочек, изнасилованных немцами. Посреди улицы лежал обезглавленный труп старика.

Свидетели рассказывают, что фашисты схватили старика — отца двух красноармейцев — и приказали ему целовать их сапоги. Старик отказался. Тогда баниты начали колоть его кинжалами и отрубили голову.

Красноармеец И-ской части А. СОКОЛОВ, Л. ДЕМЬЯНОВ, В. КАРПЕНКО

С БРЕЮЩЕГО ПОЛЕТА

19 июля 1941 года, в час дня, по проселочной дороге недалеко от Старой Руссы шла колонна сина с ребенком на руках.

Фашистский самолет стал с бреющего полета обстреливать ее пулеметным огнем. Женщина пыталась укрыться. Тогда гитлеровский «касс» сбросил на дорогу бомбу. Женщину и ребенка убило. Лежав ребенка отбросила далеко в сторону.

Воевоисек ВОРОНЕВИЧ

ОНИ ВИДЕЛИ, КТО ИДЕТ

Свершая поход к линии фронта, мы видели много беженцев, преимущественно женщин с малыми детьми. Они ехали на повозках и шли, погоняя скот, чтобы не достался врагу.

Мужчины в числе беженцев не было. Они отравились зачислив свою родню.

Над дорогой летели фашистские «Ю-88» на небольшой высоте, метров 400—500. Дети и женщины были в криках платаях: белых, красных, синих — спутать с воинской частью их пеструю колонну было невозможно. Фашистские стериныги разбомбили женщин и детей.

Трудно сказать картину, которую привлекло увидеть после бомбежки. На дороге и по обочинам лежали искалеченные трупы. Стояли раненые.

Это может совершить не человек, претендующий на принадлежность к высшей расе, а изверг, садист, который только тогда и

чувствует себя хорошо, когда видит невинно пролитую кровь.

Полковник ЛЕДНЕВ

«ПОДВИГИ» ЛЮДОДЕЯ

В местечке под Рогачовым девять—десятилетние дети купались в реке. Фашистские лодки расстреляли их из пулеметов и улетели. Двое детей убито, раненые доставлены в госпиталь.

Колхозник И. СИМОНЕНКО

КАК ОНИ ПОСТУПАЮТ С РАНЕНИМИ

В районе Устинского совхоза фашистам удалось захватить санитарный обоз с ранеными красноармейцами. Гитлеровские изверги отрезали им конечности, ампутировали глаза, а затем всех убили.

..В деревне Л. в крестьянских хатах были раненые красноармейцы. Размещены тяжело в деревню гитлеровские. Возвращаясь ночью в кучу, обили кертосном и подожгли.

..В селе В. банитам удалось захватить в плен нескольких раненых красноармейцев. Расправ над ними была ужасной. Раненых жестоко пытали: ломали руки, разбивали лица, некоторым выкололи глаза. Трупы замученных красноармейцев были выброшены на улицу.

Колхозники рассказывают, что один из жителей села подобрал тяжело раненого бойца, перевязал ему рану и скрыл у себя.

Рыская по селу, фашисты обнаружили этого красноармейца и тут же застрелили его. Потом долго искали хозяйку, чтобы узнать расправу над ним. Когда же поиски не увенчались успехом, фашисты привалили выместить свою злобу на всех жителях села.

Из фронтовых газет «Знамя Советов» и «За честь родины».



В упорном бою у Н-ского пункта Северо-западного направления фронта был тяжело ранен восточник 2-го ранга М. Ф. Лабушин. Озверевшие ишорковцы выкололи смертельно раненому герою оба глаза, разорвали прикладом и сапогами челюсти, на щеке вырезали пятиконечную звезду.

Фашистам

за убийства

и пожары,

За девушек

поруганную честь

Народ ответит

яростным ударом.

Неумолима

будет

наша месть!

ЭРЗАЦЫ



По-немецки заместитель
Называется «эрзац»,
Он идет, как лоботряп,
Через Гамбург и Эльзас.
И в Берлине от эрзаца
Просто некуда деться:
На витрине

В магазине
Исключительно эрзацы:
Колбаса
Из супащери —
Есть нехачка,
Но можно перчить.
Ветчина из дерматина.

Рисунок Е. Ведрихова



Дерматин из серпантина,
Серпантин из козуры!



Конопляные котлеты,
Деревянные жилеты.



ФАШИСТСКАЯ АРИФМЕТИКА



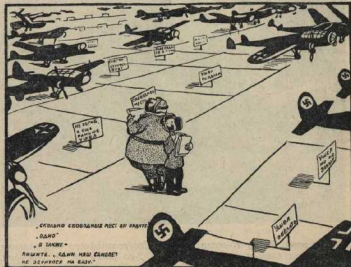
Рассказ «Как гуси Рим

спасли»

Мы счастье бы шуток моли,
Когда б не Геббельс, что
реши

Призвать к себе на помощь

Ему сейчас ведь не до шуток...
А все ж весь мир он
насмешл.



Карикатура худ. Лоу (из английской газеты «Новин стандартс»)

АНГЛИЙСКИЙ ЮМОР

В дни бомбардировок англичане привыкли к бомбам замедленного действия, так же, впрочем, как и к другим бомбам. В юмористических журналах стали даже подшучивать над беспечностью англичан.

В аэрионимом «Пилч» помещена такая карикатура. Фермер, на поле которого упала бомба замедленного действия, пришел к забору завалив: «Осторожно: бомба замедленного действия». Но это не проваляло вничтожение: только лоботряпша продолжала топтать посевы. Стоило, однако, фермеру сменить надпись, на другую: «Осторожно, бык на свободе!», — как его участок мгновенно опустел.

Другая карикатура. На-под обломком разрушенного бомбой здания выбирается супружеская пара. Супруги продолжают спор, возникший, очевидно, уже давно. Наконец, мужу надоело. — Ну, ладно, — говорит он, — пусть будет по-твоему. Пожалуй, это была женщина бомба.

Ответственный редактор — М. Г. ОСИПОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица Правды, 24.

Тел. Д 3-34-24.

Непринятые рукописи не возвращаются.

А 43506.

Подписывайтесь на почтовые 9/IX—41 г.

Изд. № 1048. Формат 72 × 100 см. 2 п. л. 38 п. л. 98 000.

Зак. 2443.

Тираж 60 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.